

УДК 930.1

ОБРАЗ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Асп. Ростовская О.М.

УО «Витебский государственный технологический университет»

В результате исследования проблемы концептуализации понятия «историческая память» мы интерпретируем его как форму психического отражения социального прошлого в виде совокупности конкретных, взаимосвязанных образов, многократно вводящихся в сферу сознания с целью их представления и осмысления и формирования обобщённой модели исторического бытия. Как социальный феномен, историческая память существует на индивидуальном и массовом уровнях, следовательно, можно говорить о наличии исторической памяти личности, исторической памяти социальной группы и исторической памяти общества.

Разделяя точку зрения российской исследовательницы И.М. Савельевой, отметим, что объектом изучения исторической памяти является прежде всего знание о прошлом, существующее в виде образов [1]. Поэтому в данной работе мы рассмотрим некоторые аспекты, касающиеся связи воспоминания, восприятия, знания и образа.

Согласно А. Бергсону, образ, связанный с прошлым только воспоминанием, – состояние настоящее [2, с. 554], но в то же время «чистое настоящее» – неуловимый ход прошедшего [2, с. 564]. Получается, что образ представляет собой отражение какого-либо объекта в сознании индивида, возникающее в процессе воспоминания (припоминания) и воссозданное в воспоминании. Создаётся иллюзия существования образов на грани прошлого и настоящего, на самом деле они всегда в прошлом, их природа ретроспективна.

В работе «Материя и память» А. Бергсон указывал на то, что одни и те же образы могут одновременно принадлежать и знанию, имея абсолютное значение, и миру индивидуального сознания [2, с. 425]. Так же и исторические образы: с одной стороны, существуют как историческое знание, а с другой, как объекты памяти и сознания. В первом случае они носят автономный и отчуждённый характер, во втором – они индивидуально значимы, но всегда социально обусловлены и конвенциональны по своей природе.

Рассуждения А. Бергсона о восприятии и воспоминании приводят нас к мысли о том, что если история есть совокупность образов, то её нельзя воспринимать иначе, как через образы, соотнесённые с понятиями, их называющими. И далее, принимая идею, согласно которой восприятие насыщено воспоминаниями и нет на самом деле иного [2, с. 433], мы можем предположить, что наше восприятие прошлого через образы обусловлено нашими воспоминаниями, воспроизводящими эти образы в процессе воспоминания, которое имело отправную точку, некий мотив, побуждающий нас, вспоминая, погрузиться в кладовую своей памяти, и, вероятно, опиралось на другие образы и понятия. Но наши воспоминания возможны только благодаря знанию, существующему в памяти и приобретённому посредством изучения исторического прошлого и его осмысления и интуитивно, бессознательно. Оба уровня перцептивны. В итоге, наше постижение истории есть не что иное, как перцептивный круг: восприятие исторического обращает нас к воспоминанию, но чтобы вспомнить – надо знать, а получению знания предшествует восприятие информации. В то же время наблюдается и обратная связь: воспринимая,

Мы получаем информацию, преобразующуюся в наше знание о прошлом, которое сохраняем в памяти и при необходимости воспроизводим, вспоминая, и тогда воспоминание исторического представляет нам его образ, благодаря которому возможно целостное восприятие. Соответственно, перцепция является исходной точкой и исторического воспоминания, и исторического знания.

Взаимосвязь восприятия и воспоминания отмечает также М. Хальбвакс в работе «Социальные рамки памяти», однако он рассматривает её в фокусе индивидуального и коллективного, акцентируя внимание на том, что индивидуальное восприятие, которое не может не сопровождаться воспоминанием, так как нет первого без второго, всегда пересекается с восприятием социальным [З. с. 321]. Предполагаем, что точкой пересечения может быть исторический образ, аккумулирующий архетипическое, мифологическое представление и конвенциональное знание о прошлом и его экзистенциальное принятие и психическое постижение.

Подводя итог, отметим, что образы восприятия и воспоминания непосредственно влияют на формирование знания о прошлом, в значительной степени определяют содержание этого знания.

Список использованных источников

1. Хаттон, П. Х. История как искусство памяти / П. Х. Хаттон [Электронный ресурс]. – Режим доступа [http://www.gumer.info/bibliotek Buks/History/hatt/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/hatt/index.php) - Дата доступа : 09.02.2011.
2. Бергсон, А. Материя и память / А. Бергсон // Творческая эволюция. Материя и память : пер. с фр. – Минск : Харвест, 1999. – 1408 с.
3. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – Москва : Новое издательство, 2007. – 348 с.

УДК 323.284

ТЕРРОРИЗМ КАК ФОРМА ОТЧУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ст. преп. Исаченко А.В.

УО «Витебский государственный технологический университет»

Феномен отчуждения характеризует ситуацию, когда созданное человеком так или иначе противостоит ему или когда какие-либо явления и отношения в искаженном сознании людей превращаются в нечто иное, чем они являются сами по себе.

Термин «отчуждение» имел в своей истории множество различных значений. У Аристотеля, например, этот термин означает «исключенный из сообщества» или «передача собственности». В христианской теологии человек «отчужден от Бога». С точки зрения Гегеля, всякая объективация духовного в природном, в мире объектов, в пространстве и времени является отчуждением. Маркс отличал отчуждение от объективации, неявно присутствующей во всей практической деятельности. Он полагал, что только та практика производит отчужденную реальность, которая бесчеловечна и расточает человеческий потенциал. Следовательно, чтобы уничтожить отчуждение, необходимо уничтожить бесчеловечные структуры, институты и общественные отношения.